

Кобзырь любого толстого журнала — не только обширный жанровый диапазон, но и широкий «поколенческий охват» авторов. Читатель имеет уникальную возможность на страницах одного издания, которое держит в руках, ознакомиться с текущим положением дел в современной литературе: «что есть лучшего» на данный момент, сравнить мысли, идеи, мировоззренческие позиции авторов молодых и авторов старшего поколения.

Держит руку на пульсе и екатеринбургский «Урал», традиционно предлагая интересные и очень разные материалы.

Повесть Елены Бердниковой «На стороне свободы» отмечена довольно оригинальным, со вкусом выделанным стилем письма. Интересны язык и образы, описания природы, создающие настроение: «Смены времён года, смены часов суток, уральской угрюмой мглы — и молодцеватой, торжественной красоты не знающей полутонов сибирской ясности»; «„Жестокость“ — это слово пришло на ум тем, кто долго смотрел на ювелирную красоту снежной северной скани на тонких, клонящихся к земле берёзовых ветвях. Архитектура отрицания — отрицательных температур, превративших воду в созидательно выглядящий, оформленный мир, — выступала из чистой, непорочной синевы, морозной голубизны неба». Крайне оригинальным показалось и такое описание: «Луна стояла высоко, идеально круглая, белая, как раскалённая ударами молота. Как будто некий щит, прошедший мощную чеканку, исстрадавшийся в боях — отсюда неровности, вмятины, битые места, — но ещё служивый, годный».

Великолепны портреты и характеристики героев — в результате созданы нестандартные, запоминающиеся образы: «Вошла ещё одна учительница <...>: Светлана Александровна Шмакова. Её рябоватое, неровное лицо освещалось иронией: ей была смешна очередная коллизия пубертата, длящийся на её глазах цирк конца очередного неблагополучного детства. Это была очень экономная, скромная улыбка, но вдруг она успокоила всех»; «Вторая, молодая, русовед — дородная девушка с лицевым тиком — продолжала шелестеть проверяемыми тетрадами. Она работала второй год, и срок

отработки кредита, выданного ей как молодому специалисту, далеко не закончился»; «Мотовилова переводила взгляд с одного лица на другое. Изрытое, рыхлое, странного буроватого цвета лицо было окружено пуховым вытершимся платком».

Чтение повести вызвало неожиданную аллюзию — на «Белую гвардию» Булгакова... Весь этот роман — «Белая гвардия» — сплошное, длительное, нескончаемое ожидание.

Повесть «На стороне свободы» — череда эмоций и рефлексий: гнетущих, тяжёлых, безысходных... Это «гиперреальности», утрированная и жестокая, реальность тех, «кому не повезло» по жизни. Виноваты ли эти люди в том, что «не повезло»? Может быть. И даже изрядно... Но не это здесь главное. Главное — бесконечное страдание, конца которому не предвидится. Отпущенная доля — заслуженная или нет — тяжела. Читателю остаётся тяжёлое сочувствие. Читатель погружается в бесконечную тоску ожидания чего-то, как в «Белой гвардии», малосимпатичного, малопривлекательного. Мечтает ли кто-нибудь о такой доле? Ещё один неудобный вопрос: как на это всё смотреть?! Без раздражения, осуждения, боли?! «Да никак! — хочется сказать. — Смотреть, и всё!» «Жизнь не только из одних завтраков и князей Щ... состоит», — говорил персонаж Достоевского.

Дальнейшее повествование, выдержанное всё в той же нервной стилистике, обусловленной высоким градусом тоскливо-безысходной эмоции, быстро утомляет. Думаю, это часть авторского замысла — вольного или невольного, но работающего как дополнительный специфический приём воздействия. Этот приём словно бы готовит читателя к восприятию новых декораций, нового пространства, куда попадает главный герой — в мир, разительно отличный от того, к которому герой привык.

Интереснейшая авторская находка: «Жизнь из неё [глины] так и прыщет волнами. Отсюда все эти хитрости: стеснить, жечь, шлифовать-полировать, узорчиками и цветочками покрывать, глазурью. Это всё — меры предосторожности. Чтобы глина нас не искусила, не оглушила своим тайным говором. Приняла нас, так и быть. Служила! Это война. И единственное достойное оружие в ней, и единственная награда и победа в ней — силуэт».

Поэтический сюжетный фрагмент, посвящённый фарфору, — история открытия, тонкости производства, нюансы технологии — интересен и познавателен, но слишком уж обширен. Настолько, что частично переключил читательское внимание в некое стороннее русло. «Возвращение» в основной сюжет потребовало усилий. Так ли оправданно это невинное авторское увлечение?

Вообще, сюжет повести очень походит на современную интерпретацию притчи о блудном сыне. Приём, конечно, не новый, но в реализации Елены Бердниковой весьма оригинальный и сильно воздействующий. Не хватает, быть может, некоего композиционного и стилистического единства: вся линия с фарфором хоть и символична, но слишком уж выпукла, и потому где-то происходит композиционный разрыв. Однако степень эмоционального воздействия за счёт высокой психологической концентрации высока и временами доводит читателя до исступления...

Рассказ-анекдот «Любовь» Евгения Каминского — после нелёгкой повести Бердниковой — станет своевременным отдыхом для читателя. Написанный в лучших традициях реализма, рассказ Каминского читается легко и быстро. Герои живые и колоритные, отдельные же, включая главного, очень смешны. Финал неправдоподобный и сатирический, но выделан так мастеровито, что — как читатель — веришь.

Олег Карионов, два рассказа. Экспериментальная проза, надо полагать. Специфический юмор и своеобразная фактура текстов, есть что-то и от Хармса, не без влияния постмодернизма (номинально-формальный сюжет, ирония, фрагментарное изложение, альтернативные ходы...). Однако «новизна» не новая. Возможно, более яркому раскрытию помогла бы более широкая подборка...

Первое, что обращает на себя внимание в историческом произведении Александра Кердана «Роман с фамилией», — детальная историческая реконструкция. Я бы добавил — мелкодетальная. Колоссальный труд и тщание, с которым автор выписывает средневековый мир, впечатляют и поражают. «Подробности — Бог», — говорил Гёте, и это о прозе Кердана, о его любви к историческим подробностям. Даже начало выдержано в лучших традициях рыцарского романа, взгляните: «Я — Джиллермо Рамон, старший сын и законный наследник Рамона Вифреда I, графа де Кердана. В тот день, когда я вступлю во владение нашим фамильным замком, селениями, землями и лесами вокруг него, к моему имени добавится латинская цифра «II», свидетельствующая, что в нашем роду с таким именем я — второй».

В этом произведении — «Роман с фамилией» — есть дух, и погружение происходит быстро и капитально. Есть и все необходимые атрибуты жанра: интриги, предательства, приключения, рыцари, крестовый поход, сражения...

Однако, несмотря на традиции жанра, концепция романа представляется нетривиальной, и особенно попытка автора установить связь поколений сквозь века при помощи художественного произведения: главные герои всех трёх частей носят фамилию Кердан, как и сам автор. Обратите внимание и на название произведения — «Роман с фамилией». Кроме того, писатель провёл скрупулёзную работу в исторических архивах не только по сбору и анализу соответствующего материала, но и данных, связывающих фамилию персонажей с фамилией собственной. Заметим, что перед каждой частью есть что-то наподобие вводного слова или своеобразной пояснительной записки «от первого лица», где Кердан рассказывает о своих генеалогических исследованиях. Замысел и подход как минимум оригинальны.

Центральная идея произведения — философская: духовное движение в раскрытии нравственного аспекта. И то, как при этом причудливо может сыграть свою роль преемственность поколений. Ничто в этом мире не окончательно, но всё в нём взаимосвязано и взаимообусловлено, и, возможно, циклично. Всё возвращается по спирали, но в обновлённом, так сказать, «продвинутом» духовно-нравственном ключе, при том что прошлое, настоящее и будущее — неразделимы и даже едины, а время (его течение) — глобальная единица измерения, благодаря которой или по причине которой происходит в этом мире ВСЁ!

Рассказ Николая Крупина «Польский джаз в сельском клубе» начинается со светлых рефлексий на тему «Куда уходит детство». И это трогает сердце. Как и очень красивое, образное описание впечатлений от музыки (меломаны особенно поймут и оценят): «Люблю мягкий джаз, чтобы саксофон не визжал, а тёплым человеческим голосом касался нежно души и убаюкивал её; контрабас глухим, исходящим из самого нутра инструмента звуком всё пространство словно спрессовывал, делал его подвижным; и возникало такое ощущение, что отрываешься от земли, не чувствуешь её тверди — тебя поднимает волна мягких и в то же время упругих звуков».

Вообще стиль письма в этом произведении мягкий и лиричный. Как и сам рассказ. Частые «джазовые» ретроспективы, очень симпатичные и поэтичные, — удачный приём, на мой взгляд.

История романтической детской влюблённости (главный герой настаивает, что это и не влюблённость даже, а нечто иное) подана необычайно тонко. Финал по-настоящему катарсический.

Грустный, щемящий, но на высокой красивой ноте. Очень трогательная вещь.

События в романе «Пролог» Натальи Репиной происходят в середине двадцатого столетия. СССР, сталинский режим... Декорации воссозданы, что называется, очень просто и даже минималистично, но достаточно, чтобы поверить. С ходу читателя ожидает множество психологических деталей, подробностей, диалогов, маленьких конфликтов... Постоянно разворачиваются какие-то события, житейские ситуации, но за обилием всего этого не удаётся уловить основную авторскую мысль или хотя бы направление. Повествование напоминает компиляцию разнообразных жизненных сцен, не всегда имеющих тесную связь. Так, описана пара острых событий, очень мощно заряженных психологически. Описано мастерски, читаешь и не можешь оторваться, но вопрос художественной мотивации для меня, как читателя, остаётся открытым, насколько эти шокирующие сцены работают на сюжет (хотя на атмосферу работают безусловно): сцена с голубями и сцена расстрела мародёра.

Лишь пройдя треть романа, втягиваешься—как читатель, и сквозь постоянное мелькание людей, сквозь череду непрерывных маленьких и очень маленьких событий, незримо создающих пахнущее, и не всегда приятно, особое пространство—плотное, узловатое,—удаётся, наконец, нащупать несколько сравнительно чётких сюжетных линий.

За хаотичной мешаниной событий улавливается всё-таки основной вопрос и мотив произведения. Чего же хотят герои? Что ими движет? Ответ столь же прост, как и вопрос: счастья. Обычного человеческого счастья. Потому и показано всё обычно, буднично, даже как будто бессмысленно. Но нет, не бессмысленно. Поиск счастья и само счастье—вот главный смысл всего, что происходит...

Автор не стесняется использовать детали, которые выглядят очень несимпатично и вызывают у читателя стойкий психологический дискомфорт: «А потом она стала ковырять в носу. Вот это было абсолютно естественно—и абсолютно невозможно. Она ковырялась в носу, как он, как, наверное, все люди на земле—наедине с собой, и как четырёхлетние Зейка и Татка из соседнего барака—явно, но она была женщина, взрослая, желанная, которая только что культурно пила вино и флиртвала, и вот так обыденно, в ряду прочих действий, запустить себе палец в нос,

извлечь из него козявку...»; «Ирка отстала, Регина вновь повалилась на пол, беззвучно содрогаясь. Она задыхалась от слёз и соплей, но вытереть их было нечем, разве рукой, что было неудобно перед Ирккой»; «Мокрые ноги в прохудившихся туфлях, всё сложнее отстирывать покрашенные туфлями пятки единственных приличных чулок». Подобные детали вызывают необычный эффект: что-то постыдное, малопривлекательное, подсмотренное; они задают свой специфический фокус восприятия чего-то неловкого и неудобного... И это добавляет специфическую же остроту восприятия.

Это глубоко психологичная проза. Читать её не просто—требуется определённая внутренняя подготовка. Как читатель, ощущаешь на себе что-то липкое и неприятное после прочтения, но и понимаешь, что без этих ощущений художественный замысел Натальи Репиной сработал бы «не так».

Виталий Сероклинов, «Мозговое кровообращение», рассказы. Не столько рассказы, сколько этюды. Почти бессюжетные, рефлексивные зарисовки. Опыт госпитализации, зарегистрированный художественно, так сказать. Подборка производит «неравномерное» впечатление: отдельные миниатюры поданы чрезвычайно живо, с юмором («Ложка», например), иные написаны формально и, я бы рискнул сказать, «неизвестно зачем» («Мальчишки»). Лаконичность формы во всей подборке исключительно выигрывает...

Рассказ Владимира Волковича «Охота»—настоящему захватывающий, остросюжетный: с бандитами, стрельбой, погоней... Написано просто и со вкусом. Цепко держит в напряжении.

Александра Заскалето, «Закатная», рассказ. Современная женская проза—так, наверное. Речь идёт о чувстве вины главной героини, приведшем к глубокому психологическому кризису. Тема, что называется, актуальная и злободневная, рассмотренные же ситуации в рассказе—совершенно жизненные. Несмотря на хороший финал, рассказ довольно сложный и по фактуре, и по сюжету. Точнее, по сюжетным коллизиям. Героиня приходит к душевному благополучию, но тяжёлой и дорогой ценой.

Достаточно серьёзный и глубокий замысел произведения умещается в финальную строчку—квинтэссенцию всего рассказа: «Иногда, чтобы понять жизнь, нужно сойти с ума».